

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 (42) Том . 2020

Пространственно-временная динамика центрo-периферийных структур геополитических систем

Гресь Роберт Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация

На текущий момент можно выделить достаточно обширную проблемную область, связанную с применением исторического подхода в геополитических исследованиях. В статье на примере анализа центрo-периферийных структур геополитических систем Французского королевства времён Столетней войны и Российского государства раскрывается потенциал синтеза исторической географии и геополитики. Для этого в рамках работы необходимо было разработать методику детекции центрo-периферийных структур геополитических систем, что и было сделано. Таким образом, в представленной статье осуществляется попытка проведения дифференциации внутреннего геополитического пространства. Полученные в ходе подобного анализа результаты в форме новых выводов о геополитических явлениях прошлого имеют не только практическую ценность для изучения обозначенных объектов исследования, но и большую теоретическую значимость, поскольку позволяют создавать модели развития центрo-периферийных структур геополитических систем в пространственно-временном континууме.

Ключевые слова: геополитическая система, пространственно-временной континуум, периферия, ядро, центр, полупериферия, город, хрономасштаб

Дата публикации: 17.06.2020

Ссылка для цитирования:

Гресь Р. А. Пространственно-временная динамика центрo-периферийных структур геополитических систем // Псковский региoнологический журнал – 2020. – Выпуск 2 (42) С. 87-98 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310008582-3-1> (дата обращения: 05.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310008582-3

¹ **Постановка проблемы.** Геополитические системы, центрo-периферийные структуры и само понятие движения в пространственно-временном континууме на первый взгляд относятся к различным предметным полям. Однако, если абстрагироваться от существующих ограничений, становится возможным увидеть связи и отношения между всеми этими категориями и сложить их в единый конструктор под «покровом» междисциплинарности. Несмотря на ограниченную формулировку названия статьи, представленная тема не может быть раскрыта без постановки вопроса о более широких проблемах исторического подхода в геополитических исследованиях и его использовании в любых направлениях исследований в рамках общественных наук, ранее не предполагавших ретроспективный ракурс рассмотрения объекта исследования и структуры этого объекта. Без понимания существующих фундаментальных проблем в научной дисциплине невозможно релевантным образом характеризовать исследование с точки зрения его актуальности для какой-либо современной парадигмы.

² Исторический подход в геополитике, с одной стороны, применяется достаточно часто по разным направлениям — категория времени представлена широко: здесь и изучение проблем истории геополитики (как научной дисциплины); и поиск исторического материала для подтверждения гипотез, визуализации теоретических построений; и появление проблематики геополитических эпох и циклов; и изучение исторических предпосылок тех или иных геополитических событий; и анализ формирования политической карты мира и регионов, геополитических структур; и оценка влияния трансформаций в общественных системах (их эволюции) на геополитическую деятельность; и построение общих теорий пространственно-временного развития геополитических структур.

³ Последнее направление геополитических исследований в связи с высокой степенью теоретизации и междисциплинарностью своего характера требует интеграции многих направлений общественных наук, в частности исторической географии, политической географии, геополитики, международных отношений, теорий управления и региональных исследований. Одним из первых примеров таких сквозных, универсальных концепций в отечественной науке является идея В. П. Семёнова-Тян-Шанского о формах территориальных систем политического могущества [20]. Однако подобные идеи не способны дать объяснение многим из современных геополитических явлений или процессов. Отсюда, с другой стороны, вскрываются и другие проблемы, препятствующие интеграции исторической географии и геополитики. На сегодняшний день в обеих дисциплинах отсутствует общепринятая система научных категорий и понятий, а также происходит размывание самих предметных областей, и к тому же для геополитики характерна высокая степень социоморфности и аксиологичности теоретических построений и выводов. Вдобавок в обеих дисциплинах достаточно суженные возможности формализации и математизации. Нет ясности и относительно релятивизма и

партикуляризма в геополитике, дискуссия по этим вопросам должна стать одной из основных для подтверждения или опровержения значимости любых универсальных теорий.

4 **Цель исследования.** Как результат всех методологических проблем — отсутствие современной комплексной релевантной историко-геополитической концепции с достаточным объяснительным потенциалом. Выход из сложившейся ситуации возможен только через последовательную научную работу, включающую разработку парциальных представлений о пространственно-временной динамике структур общественных систем. Предлагаемая концепция развития центр-периферий геополитических систем является, тем самым, примером синтеза пространственных и временных парадигм в геополитике.

5 **Состояние изученности вопроса.** Само по себе понятие геополитической системы употребляется достаточно редко, даже в специализированных геополитических исследованиях. Коннотации понятия оказываются размыты и зачастую значительно редуцируются при неосознанном употреблении в речи, когда возникает желание заменить категорию «государство» или «страна» какой-то более универсальной, более «научной» категорией. Несмотря на это, существует несколько подходов к определению понятия — И. Ю. Окунева [18, с. 32], Я. Юшина¹ и Н. В. Каледина, А. Б. Елацкова [7; 12]. Последний из этих подходов можно считать максимально абстрактным, поскольку геополитические системы определяются в данном случае как «Разнообразные по функциям материальные носители, каркасные (структурные) единицы геополитического пространства, выступающие субъектами и результатами геополитической деятельности» [12, с. 131]. Под понятие геополитической системы попадают, таким образом, и государство, и транснациональная корпорация, и племя в лесах Амазонии. Такой подход существенно расширяет представления о геополитической деятельности, позволяя видеть между государствами и дикими племенами общие закономерности развития с точки зрения геополитики. Если все эти общественные системы являются (одновременно с прочим) и геополитическими системами, то в их рамках должны существовать схожие структуры, такие как центр-периферия.

6 Ряд учёных и политических деятелей считают, что конфликт между центром и периферией — это некий анахронизм, не сочетающийся с современным устройством развитых стран и современными политическими концепциями. И если же подобные заявления от политиков могут побуждаться определёнными политическими императивами, то в случае с исследователями и их подходами к этому вопросу всё гораздо сложнее. Например, З. Бауман считает, что разрыв между глобализованными элитами приходит на смену классической оппозиции центра и периферии [25, с. 196], а согласно теории политических партий Липсета-Роккана именно реформация и контр-реформация в Европе породили социальный раскол «центр — периферия» [17]. То есть проблема оппозиции центра и периферии связывается с определённым историческим этапом и конкретно-историческими условиями. Е. В. Балацкий, анализируя возникновение мировых финансовых кризисов, утверждает, что «модель “центр — периферия” в своём каноническом виде перестаёт работать» [2 с. 35]. А И. Н. Ионов вообще говорит о

деконструкции модели центр — периферия в постколониальном дискурсе [9, с. 259], что опять же связано в том числе и с политическими причинами. Несмотря на все предлагаемые аргументы, нельзя отрицать объективного действия процессов концентрации — деконцентрации, на основе которых возникают структуры центр — периферия. Другой вопрос, что центр-периферийные отношения не являются статичными, а имеют собственную эволюцию, детерминированную множеством факторов. Именно неизученность вопросов динамики центр-периферийных отношений нередко приводит к поспешным выводам об анахронизации категорий центра — периферии.

⁷ К сожалению, многие вопросы центр-периферийных структур (ЦПС) пока что остаются неизученными, как то: пространственно-временная динамика центр-периферийного развития [13, с. 203]. Исследований, посвящённых анализу динамики страновых и региональных ЦПС систем, прекративших своё развитие (или перешедших в новое состояние) сравнительно мало. В их числе статьи В. Г. Шведова, Р. С. Истамгалина, А. В. Сперанского, М. З. Гибадуллина, Е. Т. Артемова, И. Н. Корнева и Е. Р. Гооги, В. Г. Хорос, Л. Б. Карачуриной и Н. В. Мкртчяна, T. I. Berend, J. Bintliff, E. M. Schortman, P. A. Urban, T. J. Fair и др. [1; 4; 11; 14; 15; 21; 23; 24; 27; 28; 32; 37]. Из теоретических работ можно выделить исследования П. Тейлора о формальном и неформальном империализме с точки зрения подходов к контролю периферийных районов [10, с. 399] и идеи К. Хаусхофера о центр-периферийной стратификации в рамках пан-регионов [22]. Подобный ракурс рассмотрения и выделение ЦПС геополитических систем для конкретных исторических периодов на ограниченном участке геопространства несёт в себе большой потенциал в контексте развития теории ЦПС, исторической и общественной географии.

⁸ Тем не менее, несмотря на разработку отдельных теоретических сюжетов (например, сюжет полизависимой периферии или структурных элементов региона) в рамках общественной географии, понимание центр-периферийных связей остаётся преимущественно экономическим, тогда как суть явления значительно шире и включает не только экономические (производственные) связи, но и политические, духовные и т. д. Все эти связи гносеологически способна охватить общественная или же геополитическая система, ЦПС которой является интегральным выражением всех центр-периферийных отношений. Именно данная ЦПС наиболее полно показывает динамику геополитической системы и её основные тренды. Но здесь же возникает проблема критериев, на основе которых могут быть выделены зоны ядра, полупериферии и периферии для ГПС.

⁹ И. Валлерстайн предлагает определять центр и периферию по степени монополизации производственных процессов: для ядра характерны монополии, а для периферии — свободный рынок [3, с. 87]. Р. Пребиш же считал, что зоны ядра и периферии разграничивает осевое разделение труда [3, с. 87]. Достаточно близкую позицию имеет и Тайлор, стратифицируя территории по зонам ядра и периферии на основе пространственного разделения труда. Согласно П. Тайлору, одним из отличительных свойств ядра и периферии является изменение ценности товара: в процессах передачи в ядре она не теряется, на периферии — снижается [39, р. 185]. Для С. Хантингтона старейший член цивилизации — стержневое государство — притягивает к себе более слабые, но культурно близкие страны

(формирующие периферию) [10, с. 337]. Схожие утверждения можно обнаружить и у А. Л. Опенхейма по вопросу возникновения сателлитных цивилизаций [19, с. 33]. В свою очередь Барнетт считает, что ядро от периферии следует отличать по такому показателю, как способность интеграции в мировую экономику. Исходя из этого он выделяет участки геопространства с действующим ядром и «non-integrating gap» [26]. Г. Скиннер, М. Хендерсон, Ю. Джуан напротив предлагают оценивать центр — периферию по структурному расстоянию от ядра до поселений с учётом транспортных издержек и социально-экономических параметров [38]. Таким образом, экономическая география накопила значительный полипарадигмальный теоретический багаж и оказалась ближе всех к теоретизации вопросов, связанных со стратификацией на зоны ядер и периферии. Достаточно вспомнить концепцию И. Тюнена, теорию центральных мест, концепцию полюсов роста или новую экономическую географию П. Кругмана (где ядро — периферия выделяются с учётом «demand linkages» [33]).

¹⁰ **Материалы и методика исследования.** Существует несколько подходов с наивысшим уровнем абстракции к определению категорий ядра и периферии. Согласно одному подходу, структура ядра — периферии представляет из себя сеть из одной фракции, т. е. не может иметь какие-либо подгруппы [35, р. 97]. Такое представление задаёт строгую иерархию центр-периферийных отношений. В рамках другой логики центр-периферийные структуры опираются на понятие блока и исходят из двух классов узлов, ядро (один класс) выступает в качестве 1-блок, а периферия (другой класс) — 0-блок [31]. Третье представление является геометризированным и заключается в том, что ядро локализуется в физическом центре облака точек в евклидовом пространстве [34]. Отдельное внимание заслуживает так называемая «звезда Фримана» [29], выступающая максимально абстрагированной визуализацией центр-периферийной структуры, где центральный элемент имеет связь с элементами периферии, которые, однако, не имеют прямой связи друг с другом, только опосредованную через ядро.

¹¹ Таким образом, можно отметить, что все теоретические представления о ядре и периферии схожи в одном положении — детекция ядра и периферии производится на основе определения структуры связей между элементами в системе, выявления узлов связей и обозначения их в качестве ядра. Узлы связей же напрямую связаны с потоками информации. Это означает, что для геополитических систем ЦПС может быть определена исходя из пространственной стратификации количества информации в системе. Близким к этому будут показатели объёмов геополитических ресурсов, но тут необходимо учитывать и способность системы направлять эти ресурсы на заданные цели (через геополитические процессы). Именно в данной логике может быть определена внутренняя ЦПС геополитических систем. Однако ввиду невозможности с абсолютной точностью определять ЦПС по этим методам, необходим редуцированный способ, позволяющий простым образом провести детекцию ЦПС. Такой способ существует и уже неоднократно предлагался учёными.

¹² Среди прочих подходов к определению центра и периферии следует отметить и новую концепцию HRS (hierarchical regional space), которую китайские учёные применили на практике для округа Пекина [36]. В рамках этой модели, как пишут авторы, особую роль в центр-периферийных отношениях играют города:

«In the HRS model, the intensively constructed urban area is recognized as the urban core, and the surrounding areas are treated as the core's periphery. Thus, urban core is much larger in space than the traditional central business district (CBD)» [36]. Близки к ним оказываются и другие учёные. А. Леш принимал преимущественно города в качестве ядер территориально-общественных систем [16]; В. Г. Шведов — один или несколько близкорасположенных городов с их хинтерландом [24]. Особое внимание урбанизации для центра и периферии уделяют и О. В. Грицай, Г. В. Иоффе и А. И. Трейвиш [6]. Н. В. Зубаревич, говоря о городах, пишет: «Центро-периферийная модель показывает, насколько важную роль в развитии страны играют города: это не только «опорный каркас» расселения, но и главные «моторы» трансляции импульсов модернизации на окружающую периферию» [8, с. 47]. Они играют особую роль и в геополитических системах, будучи одновременно и местами концентрации геополитических ресурсов, и элементами системы управления (что обеспечивает способность эти ресурсы направлять).

¹³ **Результаты исследования.** Таким образом, ЦПС геополитических систем предлагается определять через сеть населённых пунктов, что одновременно тоже имеет ограничения, поскольку применимо только для геополитических систем определённого масштаба и свойства, преимущественно на страновом уровне. Данный подход был апробирован на примере Французского королевства накануне Столетней войны. Сначала с помощью инструмента «теплокарта» была выделена зона влияния городов, рассчитываемая как один день пути на лошади (100–130 км). Полученные результаты позволили чётко обозначить полицентричность ЦПС Французского королевства (рис. 1). Адаптация этих результатов с учётом исторического материала позволила окончательно определить модель ЦПС для этой системы (рис. 2).



Рис. 1. Процедура выявления центрo-периферийной структуры с помощью инструмента «теплокарта» в QGIS на примере Французского королевства накануне Столетней войны (составлено автором)

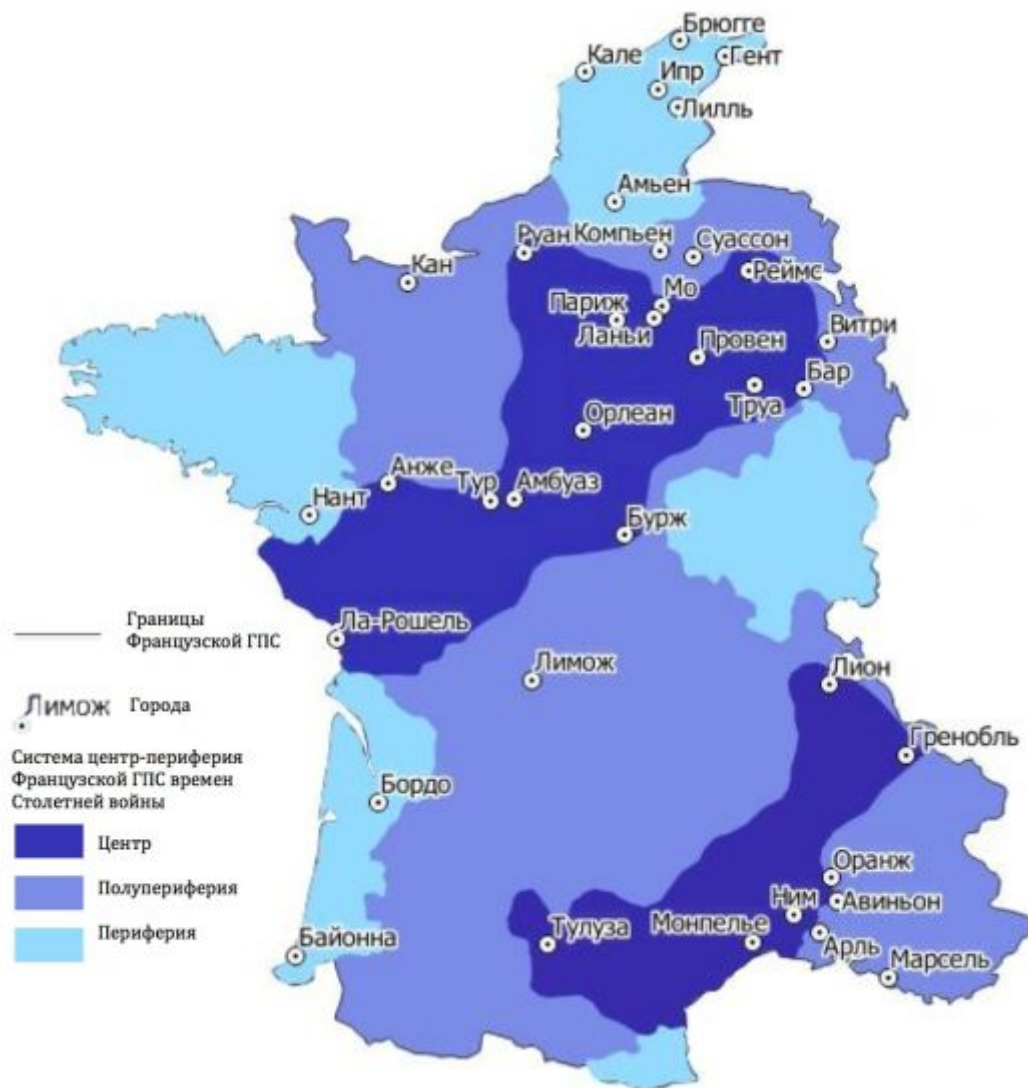


Рис. 2. Центр-периферийная структура Французского королевства XIV в. (составлено автором)

16 Подобным образом была определена центр-периферийная структура геополитической системы России с древних времён до наших дней. В пространственно-временной динамике ЦПС геополитической системы России можно выделить несколько этапов, соответствующих основным историческим эпохам в истории России: 1 — этап Киевской Руси, 2 — этап Московского царства, 3 — этап Российской империи, 4 — этап СССР, 5 — этап Российской Федерации. На протяжении всех названных этапов можно наблюдать два основных долговременных тренда, которые можно соотнести с броделевским «la longue duree» или циклическим временем [30]: первый тренд заключается в переходе от полиядерной к моноядерной модели ЦПС с последующим укрупнением ядра; второй тренд связан с характерными особенностями формирования полупериферии, её развитием и ролью во всей геополитической системе и в истории России в целом. Наглядное представление первого из названных трендов дают представленные картосхемы для периодов Руси и Московского царства (рис. 3, 4).



Рис. 3. Центрo-периферийная структура геополитической системы Киевской Руси (составлено автором)



Рис. 4. Центрo-периферийная структура геополитической системы Московского царства (составлено автором)

Полученные модели ЦПС геополитических систем позволяют не только впервые произвести функциональную дифференциацию внутреннего геополитического пространства, но и объяснить основные направления развития геополитических систем, сопровождаемые целым рядом исторических событий. Например, в одной из работ автором было обозначено значение полупериферии периода Московского царства для будущего развития России [5]. ЦПС геополитических систем является не только некоторой детерминантой, связанной с устойчивыми центрo-периферийными отношениями и процессами концентрации и поляризации, но и может быть производной от функционирования геополитических систем. В этом отношении необходимо сказать, что ЦПС позволяет геополитической системе структурировать окружающее пространство и провести его дифференциацию. Исходя из этого, развитие ЦПС является неким показателем состояния геополитической системы и напрямую связано с её эволюцией в пространственно-временном континууме. Таким образом, на примере ЦПС геополитических систем можно заключить, что синтез исторической географии и геополитики выглядит весьма многообещающим, способным обогатить не только эти научные направления.

В геополитике можно поставить ещё много других вопросов, связанных с историей, региональными исследованиями и исторической географией. Например, о геополитическом времени, о геополитических регионах в хрономасштабе или о согласовании динамики геополитических систем с динамикой других систем (с уже известными циклами Кондратьева и т. п.). Наконец, можно произвести попытку обоснования необходимости выделения отдельной дисциплины под названием хроногеополитика, которая бы изучала все геополитические явления и процессы в пространственно-временном измерении, в т. ч. занималась бы и вопросами пространственно-временной динамики центрo-периферийных структур геополитических систем. Так или иначе, представленные в статье идеи могут побуждать к формированию других парциальных представлений о пространственно-временной динамике структур общественных систем, а значит и к формированию историко-географической картины мира при условии проведения аналогичных исследований.

Примечания:

1. Юшин Я. Категории геополитики // Форум сторонников Концепции Общественной Безопасности. [Электронный ресурс]: URL: [>>>>](#) (дата обращения: 10.05.2018).
-

Библиография:

1. Артёмов Е. Т. Урал в российской истории: диалектика «центр-периферийных» отношений // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек, 2012. № 2. С. 124–129.
2. Балацкий Е. В. Анатомия финансового кризиса — 2008 // Мир измерений, 2009. №. 1. С. 34–43.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. Пер с англ. / Вступ. ст. и прил. Г. М. Дерлугьяна. М.: УРСС: Ленанд, 2018. 304 с.

4. Гибадуллин М. З. Межрегиональные торгово-экономические связи Казанского Поволжья (вторая половина XIX в.) // Актуальные проблемы экономики и права, 2010. №. 2 (14). С. 5–16.
5. Гресь Р. А. Центро-периферийный анализ геополитической системы Московского царства (XVI–XVII веков) // Гуманитарные чтения в Политехническом университете, 2018. С. 29–38.
6. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
7. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М, 2017. 251 с. DOI: <http://dx.doi.org/10.12737/21203>.
8. Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. №. 2. С. 46–57.
9. Ионов И. Н. Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений // Диалог со временем, 2010. №. 30. С. 257–274.
10. Исаев Б. А. Геополитика. СПб.: Питер, 2016. 496 с.
11. Истамгалин Р. С. Роль центра, периферии и традиций в исторической эволюции социального идеала российского аграрного общества (IX–XVII вв.) // Социум и власть, 2011. №. 3. С. 9–13.
12. Каледин Н. В. Принципы теоретизации и категории политической географии // Географическое образование и наука в России: история и современное состояние. СПб.: ВВМ, 2010. С. 117–138.
13. Каледин Н. В. Глобальная геополитическая система: тренды пространственно-временной центро-периферийной стратификации // Полимасштабные системы «центр — периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 202–209.
14. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центро-периферийные отношения // Вопросы географии. Издательский дом «Кодекс», 2013. С. 82–107.
15. Корнев И. Н., Гооге Е. Р. Генезис и развитие северо-восточной периферии Свердловской области: историко-географический дискурс // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 2012. №. 7. С. 30–35.
16. Лёш А. География размещения хозяйства. М.: ИПЛ, 1959. 455 с.

17. Липсет М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.
18. Окунев И. Ю. Политическая география. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 512 с.
19. Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия (Портрет погибшей цивилизации) / Пер. с англ. М.Н. Ботвинника. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 407 с.
20. Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Пг., 1915.
21. Сперанский А. В. Урал в модернизационной динамике России XX века: перспективы исследования // Уральский исторический вестник, 2013. №. 4. С. 78–87.
22. Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет / Пер. с нем. и примеч. И. Г. Усачева. М.: Мысль, 2016. 460 с.
23. Хорос В. Г. Центро-периферийные отношения за полвека: основные тренды изменений // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 53–66.
24. Шведов В. Г. Историческая политико-географическая структура территории и ее функциональные элементы // Региональные исследования, 2007. № 4 (14). С. 3–12.
25. Шевенман Ж.-П. 1914–2014. Европа выходит из истории? М.: Издательство АСТ, 2015. 352 с.
26. Barnett T. The Pentagon's new map: War and peace in the twenty-first century. Berkley, 2004. 435 p.
27. Berend T. I. et al. The European periphery and industrialization 1780–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 180 p.
28. Bintliff J. Regional survey, demography, and the rise of complex societies in the ancient Aegean: Core-periphery, Neo-Malthusian, and other interpretive models // Journal of field archaeology, 1997. T. 24. №. 1. P. 1–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/530558>.
29. Borgatti S. P., Everett M. G. Models of core/periphery structures // Social networks, 2000. T. 21. №. 4. P. 375–395. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0378-8733\(99\)00019-2](http://dx.doi.org/10.1016/S0378-8733(99)00019-2).
30. Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée // Revista Internacional de Sociología, 1960. T. 18. №. 70.

31. Breiger R. Structures of economic interdependence among nations / In: Blau, P. M., Merton, R. K. Eds., Continuities in Structural Inquiry. Sage, Newbury Park, CA, 1981. P. 353–380.
32. Fair T. J. D. The core-periphery concept and population growth in South Africa, 1911–1960 // South African Geographical Journal, 1965. T. 47. №. 1. P. 59–71.
33. Krugman P., Venables A. J. Globalization and the Inequality of Nations // The quarterly journal of economics, 1995. T. 110. №. 4. P. 857–880. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2946642>.
34. Laumann E. O., Pappi F. U. Networks of Collective Action: A Perspective on Community Influence Systems. New York: Academic Press, 1976. 348 p.
35. Pattison P. Algebraic Models for Social Networks. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. 336 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511571220>.
36. Qi Y. et al. Evolving core-periphery interactions in a rapidly expanding urban landscape: The case of Beijing // Landscape Ecology, 2004. T. 19. №. 4. P. 375–388. DOI: <http://dx.doi.org/10.1023/B:LAND.0000030415.33172.f5>.
37. Schortman E. M., Urban P. A. Living on the edge: Core/periphery relations in ancient southeastern Mesoamerica // Current Anthropology, 1994. T. 35. №. 4. P. 401–430. DOI: <http://dx.doi.org/10.1086/204293>.
38. Skinner, G. W., Henderson, M. and Yuan J. H. China's fertility transition through regional space // Social Science History, 2000. № 24 (3). DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0145553200010312>.
39. Taylor P. J. A theory and practice of regions: the case of Europe // Environment and Planning, 1991. T. 9. №. 2. P. 183–195. DOI: <http://dx.doi.org/10.1068/d090183>.

Spatial-time dynamics of geopolitical systems core-peripheral structures

Robert Gres

*Saint Petersburg State University
Russian Federation, St.Petersburg*

Abstract

At the moment, it is possible to single out a rather extensive problem area related to the application of the historical approach in geopolitical research. Using an example of the core-peripheral analysis of the French Kingdom (during the Centenary war) and the Russian state, the article reveals the potential for the synthesis of historical geography and geopolitics. To do this, as part of the work, it was necessary to develop a methodology for detecting the core-peripheral structures of geopolitical systems, which was done. Thus, the article presents an attempt to differentiate the internal geopolitical space. The results obtained in the course of such an analysis in the form of new conclusions about the geopolitical phenomena in the past are not only of practical value for the study of research objects, but also of great theoretical significance, since they allow creating models for the development of the geopolitical systems core-peripheral structures in the space-time continuum.

Keywords: geopolitical system, space-time continuum, periphery, core, center, semi-periphery, city, chronoscale

Publication date: 17.06.2020

Citation link:

Gres R. Spatial-time dynamics of geopolitical systems core-peripheral structures // Pskov Journal of Regional Studies – 2020. – No2 (42) C. 87-98 [Electronic resource]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310008582-3-1> (circulation date: 05.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310008582-3